

«АРХИВ ЭПОХИ» ГУСТАВА ШПЕТА. О ПЕРЕВОДАХ А. МИЦКЕВИЧА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

ТАТЬЯНА Г. ЩЕДРИНА

Московский педагогический государственный университет
Кафедра философии
проспект Вернадского, д. 88, 119571 Москва, Россия
e-mail: tannirra@yandex.ru
(получено 28.05.2014; принято 4.12.2014)

Abstract

Gustav Shpet's *Epoch archive*. of the translation works of Adam Mickiewicz in Soviet Russia

The article advances the idea, that for modern research of the history of Russian intellectual culture of the first half of the XX century the reconstruction of the *Epoch Archive* has a special meaning, and with the help of this reconstruction we not only discover for ourselves the unknown pages of humanity, but we also update the creative heritage of the philosophers and humanitarians of the time. The efficiency of such an approach is demonstrated by a particular research of the unknown translations of Adam Mickiewicz in Soviet Russia of the 1930-ies.

Key words

History of Russian philosophy, history of Russian culture, translation, Polish literature, A. Mickiewicz.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-03-00399.

Резюме

В статье проводится мысль о том, что для современного исследования истории русской интеллектуальной культуры первой половины XX века особую роль играет реконструкция «архива эпохи», с помощью которой мы не только открываем для себя неизвестные страницы гуманитарной мысли, но и актуализируем творческое наследие философов и ученых-гуманитариев того времени. Продуктивность такого подхода демонстрируется на конкретном исследовании неизвестных переводов А. Мицкевича в Советской России 1930-х годов.

Ключевые слова

История русской философии, история русской культуры, перевод, польская литература, А. Мицкевич.

Историческое движение русской интеллектуальной культуры (философии, гуманитарной науки) — «прерванный полет». Эта фраза, ставшая к сегодняшнему дню хрестоматийной, воспринимается зачастую как однозначная характеристика судьбы русской мысли. Как правило, этой метафорой хотят обозначить факт насильственного прерывания интеллектуальной традиции на русской почве в первой половине XX века, в момент русского философского Ренессанса. Полагают также, что в то время философская Россия уже успела сказать «свое слово». Поэтому, когда открылась возможность вернуться, довольно долго думали, что нам остается только найти точку прерывания, продолжить оттуда траекторию интеллектуального движения, и связь с русской интеллектуальной традицией возобновится. Однако, я полагаю, что метафора «прерванный полет» характеризует не только факт насильственного пресечения русской философской и гуманитарной мысли, но указывает на нераскрытое содержание самого «полета». Само слово «полет» требует герменевтического переоткрытия. Ведь русское интеллектуальное движение первой половины XX века характеризуется не завершенными системами, но богатством философских начинаний. Русская интеллектуальная культура была прервана на взлете, она только-только начала свое саморефлективное восхождение. И многое из того, что хотели сказать русские мыслители первой половины XX века, осталось невысказанным. Прерванный полет русской интеллектуальной традиции — это ее *недосказанность*, требующая внимательного прочтения, актуализации и проблемного исследования. Мы сегодня должны возвращаться к своему интеллектуальному наследию не за готовыми ответами, но за вопросами и проблемами, оставшимися зачастую лишь контурно намеченными, а иногда и просто интонационно схваченными в разговорах о самом главном, о том, что несло в себе личностный смысл.

Недосказанность русской философской мысли объясняет и наш сегодняшний интерес к исследованию не только опубликованных текстов того периода, но и поворот к архивам. Ведь если мысль была прервана на взлете, то и ее выражение осталось незавершенным, осталось много таких черновых материалов,

которые можно назвать «не-текстами». Поэтому наиболее значимым методом ее исследования является не интерпретация, но реконструкция, предполагающая возвращение к истокам, к началам и последовательное достраивание обрванных текстов и «не-текстов» до целого.

Особую роль в такой работе играет архив, причем главными в при таком исследовании становятся маргинальные тексты: черновики, конспекты трудов, лекций, докладов, протоколы заседаний различных обществ и групп. И, конечно, письма, в которых часто только и можно увидеть то, что в опубликованных произведениях не встретишь: а именно — динамику мысли. При этом надо иметь в виду, что архивные фонды при таком исследовании необходимо рассматривать не как архивы отдельного автора, но как архив эпохи².

«Архив эпохи» может быть охарактеризован как «динамический коллектив, не имеющий своей собственной организации, потому что он не имеет сколько-нибудь устойчивых членов и элементов; они находятся как бы в “текущем” состоянии, непрерывно сменяют друг друга, появляются и исчезают»³. Действительно, архив эпохи не находится в пространственно-временной зависимости и не представляет «склада» документов, которые бы хранились отдельно от архивных фондов личных и государственных. Он «живет “своей” жизнью, но всякая попытка фиксировать хотя бы один момент в нем необходимо требует соотнесения этого момента к вещам и отношениям, находящимся вне этого коллектива. Ни один момент не “действует” здесь в собственном смысле, а только “участвует” в целом, будучи направлен на нечто “вне” себя и целого»⁴. Шпет назвал такой коллектив «коллективом типа».

Погружение опубликованных текстов русских философов первой половины XX века в «архив эпохи» необходимо не только для выявления актуальных проблем той эпохи, для воссоздания, так сказать, «исторической правды». Такое погружение необходимо сегодня для нас, поскольку многие опубликованные и «отработанные» идеи, — идеи, оставленные историей позади, — при погружении в архив эпохи предстают в новом свете и становятся остро современными. И такая ситуация складывается во многом потому, что «архив эпохи» находится с современным проблемным комплексом в несинхронной временной связке, т.е. может существовать как некая совокупность или связка идей, разорванных пространством.

Этот феномен одновременности разорванных во времени идей, их общения, описал академик Н.Н. Лузин.

Когда я, сибиряк из города Томска, — пишет он в своем письме-исповеди, — впервые попал в недра большой школы, у меня создалось странное ощущение. О носителях прославленных имен говорили в таком тоне, как будто бы к ним можно было пойти на

² См. Т.Г. Щедрина. *Архив эпохи. Тематическое единство русской философии*. Москва: Издательство РОССПЭН, 2008, с. 7–17.

³ Г.Г. Шпет. *Введение в этническую психологию*. [В:] Его же. *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2006, с. 475.

⁴ Там же.

чашку чая, хотя уже столетие или два столетия, как они умерли. Их идеи, их образы, их манера мыслить буквально висели в воздухе, и для меня само время стало исчезать. Я переставал порою понимать, идет ли речь о лице, который еще читает лекции, или он, человек блестящих имен, давно отошел. Грань времени стерлась, и я, через посредство живых, вступил в столь же живое общение с отошедшими. Чувство было очень странное, непривычное и поражающее⁵.

Вот почему я думаю, что для нас сегодня архив эпохи первой половины XX века оказывается в определенном отношении современнее, чем многие сегодняшние изыскания.

Войти в «архив эпохи» можно через любой архив того или иного представителя конкретного исторического времени. Но на опыте скажу, что наиболее интересными в качестве «архивов эпохи» становятся архивы тех людей, которые находились на перекрестье путей развития науки и философии, определяли тематику и задавали проблемные поиски своего времени. Для меня «архивом эпохи» стал архив русского философа Густава Густавовича Шпета (1879–1937).

В 2010–2011 годах я работала над 9 томом сочинений Г.Г. Шпета, в котором представлены документы и письма. Особую часть в этой книге составила польская тематика: переписка с издательствами и частными лицами, где шла речь о переводах Мицкевича. В процессе комментирования я заказала хранившийся в фонде Шпета документ *Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык*⁶ неизвестного автора. *Обзор* был напечатан на машинке, в конце текста стояла дата 15 декабря 1934 года, но край машинописи, где стояла подпись автора, был аккуратно оторван.

Судя по дате написания, причина такого «аккуратного» обезличивания текста, очевидна. Либо Шпет, либо его наследники — хранители документа — не хотели, чтобы текст этот был авторизован. Ведь, как увидит читатель, почти все герои рассказанной здесь истории репрессированы (отбывали ссылки или были расстреляны).

Но мне очень хотелось этого автора найти и вернуть этому документу вторую жизнь. Ведь цель этого обзора состояла в том, чтобы не только представить во всей полноте уже существующие переводы лирики А. Мицкевича и по достоинству оценить их, но также выбрать те из них, которые могли бы быть опубликованы в каком-то готовящемся издании. Эта целевая установка автора *Обзора* стала ключевой для поиска. В последнем абзаце он подводит итог:

Резюмирую: Из перечисленных выше переводов считал бы возможным поместить в новом издании «Аккерманские степи» и «Чатырдаг» в переводе Бунина, «Байдарская

⁵ *Письмо-исповедь академика Николая Николаевича Лузина*. Вступительная статья, публикация и комментарий Н.Г. Ованесова. [В:] *Русская наука в биографических очерках*. Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. Институт истории естествознания и техники. Российская академия наук. Санкт-Петербургский филиал Серия Деятели русской культуры. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003, с. 404.

⁶ Обзор хранится в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки 718-27-6. Публикацию см. *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 445–453. Далее: *Обзор*.

долина» и «Алушта днем» (последнее условно) в переводе Майкова, «Вид гор от Евпатори» в переводе Берга (условно) «Бахчисарай» и «Бахчисарай ночью» в переводе С. Соловьева, «Сватовство» в переводе Минаева, «К ней» в переводе Голицына и «Первоцвет» в переводе С. Соловьева⁷.

За помощью я обратилась к «архиву эпохи».

* * *

В архиве Шпета сохранилось много документов, с помощью которых можно было установить автора *Обзора*.

Сначала я подумала, что автором этого обзора мог быть С.А. Поляков⁸. Ведь в фонде Шпета сохранились неизвестные нам ранее его переводы сонетов А. Мицкевича⁹. Однако в письмах этого же периода Поляков ни одного слова Шпету об обзоре не сообщает, зато очень подробно описывает свои переводческие стратегии.

Свой перевод я не считаю окончательным. Я не производил детальной отделки того или другого сонета, не зная современных взглядов специалистов и, в частности, редакции «Академии» на то, какой держаться цезуры в сонетах Мицкевича: польской — после седьмого слога, или русской — после шестого слога. Одно время я лично полагал, что при польской цезуре можно достигнуть большего приближения к тексту и большей естественности; но потом, прочтя где-то или услышав от кого-то о необходимости для русского сонета ямба и цезуры после третьей стопы (при шестистопном ямбе), я стал «перегонять» уже переведенные сонеты под этот шаблон и при этом убедился, что в некоторых случаях это явно ломает структуру стихотворения. Поэтому некоторая часть сонетов у меня осталась с польской цезурой и в анапестах, часть же в том и другом виде, а сонет «Утро и вечер» — в смешанном размере (для однообразия посылаю его сейчас переделанным на два манера, почти простой перестановкой слов). Вообще же считаю возможным, в случае надобности привести текст перевода к виду (в отношении размера и цезуры), согласному с принципами редакции¹⁰.

Тогда я решила посмотреть сохранившиеся в этом фонде переводы лирики Мицкевича, сделанные Поляковым, но когда сравнила почерк Полякова в его

⁷ Там же, с. 453.

⁸ Сергей Александрович **Поляков** (1874–1943) — меценат, основатель издательства «Скорпион», переводчик. С. А. Поляков перевел Кнута Гамсуна, о котором мало знали даже на родине. В 1919–1922 годах он работал главным редактором ИЗО НКП (Народный комиссариат просвещения РСФСР); заведующим финансовым отделом Академии Художественных наук (ГАХН), работал в Московском союзе писателей в должности казначея. 1 декабря 1929 года на заседании Президиума ГАХН С. А. Полякова исключили из состава Академии, как находящегося в ссылке по статье Уголовного кодекса, разрешающей жить на расстоянии не менее 105 километров от Москвы. В декабре 1941 года Полякову, к тому времени — персональному пенсионеру, было разрешено проживать в Казани у родственников.

⁹ См. *Сонеты А. Мицкевича* (в переводе С.А. Полякова). [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре...*, с. 379–405.

¹⁰ *Письмо С. Полякова Г. Шпету от 23 сентября 1933 года*. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре...*, с. 291.

письмах, его рукописные поправки к машинописи переводов с поправками автора *Обзора*, то пришла к выводу, что автор — не Поляков. Однако я не отчаялась, потому что поиск открыл нам переводы Полякова, о которых практически никто не знал и не знает в наше время. Переводы эти были опубликованы мной в 2012 году в 9 томе сочинений Г. Шпета.

Приведу один из переводов:

XI Алушта днем

Лишь стряхнет гора с груди туманов халаты,
Шумят ранним намазом, все в золоте, нивы;
Гнется лес, сыпя с пышной мерцающей гривы,
Как из четок калифов рубин и гранаты.

Луг в цветах, а над лугом — цветов рой пернатый,
Мотыльки всех оттенков, как радуг отливов,
Бриллиантов навесом рвут неба массивы;
Саранча вдали тянет свой саван крылатый.

А где лысая в воды скала заглядится,
Кипит море, шторм новый на сушь замышляя;
В его шумах очами сверкает тигрица:

То предвестье бурь злейших для здешнего края;
На глубинах же мягче волна так клубится,
И купается флот в ней и лебедей стая.

Тогда я выдвинула следующую гипотезу: а что, если автор этого обзора — один из переводчиков *Пана Тадеуша* А. Мицкевича. Дело в том, что в архиве Шпета сохранились рукописные образцы переводов, сделанных разными авторами (С. Городецким¹¹, Н. Сочневым¹²), в том числе и оставшимися пока неизвестными.

Вот некоторые образцы переводов:

Край родимый! Литва! Мы тогда постигаем
Драгоценность здоровья, как его потеряем.
Вот и ты — как здоровье... Безумно тоскую,
Вспоминаю сегодня твою красоту я.

Перевод Н. Сочнева (1933)

О, Литва, о, отчизна. Ты, как здоровье,
Тот лишь ценит тебя, кто утратил. С любовью
Твой образ далекий и дивный рисую,

¹¹ Сергей Митрофанович **Городецкий** (1884–1967) — русский поэт, переводчик. Один из организаторов *Цеха поэтов*. В 1930-е годы — переводчик, автор оперных либретто.

¹² К сожалению, мне до сих пор не удалось обнаружить биографические данные жизни и деятельности Николая Сочнева.

Любуюсь твоей красотой — и тоскую.

Переводчик неустановлен (1933)

Шпет работал в издательстве *Academia* и часто писал отзывы на разные переводы, так как знал 17 языков (по другой версии — 19). В 1933 году он написал отзывы на переводы *Пана Тадеуша*, сделанные С. Городецким и Н. Сочневым.

К переводу С. Городецкого он отнесся весьма критически:

Общее впечатление от перевода в целом — вялость и монотонность стиха, чаще прерываемого небрежным синтаксисом, неудачной расстановкой слов и прозаизирующими пиррихиями, чем подлинно поэтическими строками или отрывками. Неудача такого опытного поэта, как С. М. Городецкий, не может быть объяснена отдельными формальными промахами переводчика и только его небрежностью или недостаточным вниманием к русскому языку. Результаты предполагаемой небрежности, поскольку они будут признаны самим переводчиком, без особого труда могут быть, и должны быть, устранены его же опытной рукою. Однако основной источник неудачи перевода лежит в другом — в самом принципе, избранном переводчиком, и если я прав, то исправление перевода, т.е. приближение к подлиннику, как по форме, так и по поэтическим качествам, потребуют большой и усердной работы¹³.

А небольшой пробный перевод Н. Сочнева оценил высоко:

(...) читается очень легко, синтаксическая конструкция простая и ясная. Перевод, хотя и несколько вольный, но не произвольный, и во всяком случае <не> искажает смысла подлинника. Недопустимо только введение лишних строк: 6 строк вместо 4 вводного предложения только ослабляют силу выражения. (...) есть другие основания, в силу которых, отказываясь от точного воспроизведения силлабики, анапест предпочтительнее ямба (избранного, между прочим, С. М. Городецким), и, следовательно, выбор, сделанный переводчиком, может быть оправдан. (...) Опасно делать общее заключение на основании столь малого отрывка. Но если бы весь перевод был выполнен с такою же легкостью системного построения, с несколько большей близостью к оригиналу и с проведением названной цезуры, я готов был бы признать его удачнее перевода С. Городецкого¹⁴.

В издательстве *Academia* предполагалась публикация перевода *Пана Тадеуша* в 1934 году (к столетней годовщине этого произведения).

Об этом также свидетельствует письмо из редакционного сектора издательства *Academia* от 8 августа 1934 года:

Уважаемый Густав Густавович. Посылаем Вам для подписания соглашение о редактировании-консультации перевода Городецкого «Пана Тадеуша» Мицкевича.

Секретарь Редсектора (Антокольская)¹⁵

Однако рецензируемые переводы так и не были опубликованы, хотя это было время расцвета переводческой деятельности в Советской России. С 1922

¹³ Г.Г. Шпет. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким*. Кн. II–VII. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре...*, с. 342–343.

¹⁴ Г.Г. Шпет. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный Н. Сочневым*. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре...*, с. 367.

¹⁵ *Густав Шпет: философ в культуре...*, с. 268.

по 1937 год только сотрудники издательства *Academia* перевели 273 книги (включая классическую художественную литературу, мемуары, дневники, письма, книги по философии, истории, экономике, праву, литературоведению, языкознанию, искусствоведению, науке и технике)¹⁶. В газетах и журналах того времени широко обсуждалось качество переводов и принципы переводческой работы. В этом контексте отзывы Шпета на переводы *Пана Тадеуша* позволяют иначе посмотреть на сегодняшние теоретические споры о переводе как «культурно-исторической проблеме»¹⁷. Как показывают найденные отзывы, для Шпета было важно не терять из виду «оригинал», благодаря которому перевод обретает реальность, а принципы — инструментальность. Он призывает не заслонять эту реальность принципами, но использовать их как своего рода инструменты, с помощью которых только и можно понять и словесно выразить то, что в перевод не укладывается.

Но вернемся к нашим поискам. Результат сверки почерка поправок к *Обзору* с почерками С. Городецкого и Н. Сочнева тоже дал отрицательный результат. Однако и в этом случае, наши знания «архива эпохи» 1930 годов обогатились. Ведь практически никто не знает сегодня, как в 1934 году готовился полный перевод *Пана Тадеуша* на русский язык. Эта книга стояла в редакционно-издательском плане *Academia* на 1934 год¹⁸. Издательство искало переводчиков, заказывало образцы, заключало и расторгало контракты и не только с переводчиками, но и с редакторами перевода.

И тогда я обратилась к письмам, которые получал Шпет из издательства *Academia* в 1933–1934 годах. Одно из них оказалось весьма интересным для моего поиска. Это письмо Я. Эльсберга¹⁹:

19 декабря б/г
Л.Б. Каменеву
А.Н. Тихонову
А. Малецкому
Г. Шпет

Мне кажется, что если исходить из отзыва Ф. Вермея и решения дать, примерно, 6000 строк Мицкевича, то мы придем к таким оргвыводам.

1000–1500 строк придутся на старые переводы. Из 4–5000 подлежащих новому переводу следует мне кажется 1500 строк резервировать за разными переводчиками (...),

¹⁶ См. *Издательство «Academia»*. Сост. М.В. Рац. Москва: Книга, 1980. По своим масштабам этот переводческий «всплеск» в области художественной литературы может быть сопоставлен с ситуацией в России 1990-х годов в области литературы философской и гуманитарной.

¹⁷ Т.Г. Щедрина. *Перевод как культурно-историческая проблема (отечественные дискуссии 1930–1950-х годов и современность)*. «Вопросы философии» 2010, 12, с. 25.

¹⁸ См. *Редакционно-издательский план на 1934 год, утвержденный Редакционным советом Издательства. 25 июня 1933 года*. Издан на правах рукописи. С. 4. [В:] ОР РГБ 718-21-15.

¹⁹ Яков Ефимович **Эльсберг** (*Шапириштейн*; псевдонимы *Я.Е. Шапириштейн-Лерс*, *Я. Лерс*, *Ж. Эльсберг*) (1901–1976) — литературовед и критик, директор издательства *Academia* после Каменева. Существуют резко негативные оценки деятельности Я.Е. Эльсберга. Считается, что он является автором множества доносов на своих коллег.

а около 3000 поручить Вермелю, как и редакции всего остального материала. Вермель с этим согласен, ему и на 3000 строк и редакцию остального материала требуется около года.

В итоге проделанного обзора Ф. Вермель легко сделать библиографию переводов Мицкевича — она займет около ½ листа и думается ее стоит дать в конце тома.

Эльсберг (без подписи)

Я обратила внимание, что в письме упоминается Филипп Вермель²⁰, переводчик с польского языка, и речь идет о «проделанном обзоре». Однако год написания этого письма остался неизвестным. Мне было важно найти в «архиве эпохи» такой документ, который бы подтвердил мою гипотезу, что письмо Эльсберга и *Обзор* были написаны в 1934 году. Тогда можно было бы с большой вероятностью говорить, что *Обзор* написал Ф. Вермель. Ведь по своей целевой установке автор *Обзора* предполагал дальнейшую работу над изданием (см. выше цитату из *Обзора*). И я продолжила поиски.

В РГАЛИ²¹ хранится фонд издательства *Academia*, где мне удалось обнаружить именно такой документ. Прежде всего я подняла переписку издательства с А. Малецким²², и не только потому, что он был одним из адресатов вышеприведенного письма Я. Эльсберга. Но еще и потому, что на обороте последней страницы сонетов А. Мицкевича (в переводе С. Полякова) было написан и зачеркнут простым карандашом рукой Шпета номер телефона: «5-21-46 Малецкий?» В РГАЛИ я и обнаружила следующее письмо А. Малецкого в издательство *Academia* от 19 октября 1934 года, из которого следует, что именно с Ф. Вермелем готовились заключать договор.

19 октября 1934 года
Тов. Эльсбергу
В Издательство *Academia*

Предлагаю заключить договор с тов. Вермелем о переводе тома избранных произведений Мицкевича, намеченных в плане на 1936 год.
Тов. Вермель дал издательству в свое время перевод главы Пана Тадеуша и я считаю его вполне квалифицированным переводчиком. Если нельзя сейчас заключить договор, тогда надо дать тов. Вермелю заказ, чтобы он мог немедля взяться за работу.

²⁰ Филипп Матвеевич **Вермель** родился (1898–1938) — переводчик. Его переводы сонетов Мицкевича являются одними из лучших. Полностью переводы Ф. Вермеля из Мицкевича, в том числе неоконченный перевод *Пана Тадеуша*, увидели свет в книге *Стихи и переводы Филиппа Вермеля*, выпущенной в 2000 году в Москве издательством *Возвращение* тиражом в 500 экземпляров. До 1937 года Филипп Вермель работал в англо-американском секторе ТАСС. 5 марта 1938 года был арестован. Расстрелян 28 мая 1938 года. Место захоронения — Бутово. Большое собрание стихотворений Вермеля хранится в РГАЛИ 1346-4-83.

²¹ Российский государственный архив литературы и искусства.

²² Александр Маврикийевич **Малецкий** (1879–1937) — член социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С 1906 года член РСДРП. С 1919 года — секретарь редакции журнала «Коммунистический Интернационал», консультант Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина, редактор издательства «Academia». 18 сентября 1937 года арестован и расстрелян.

С приветом,
А. Малецкий²³

Здесь я остановлю свой рассказ. Конечно, логика моего поиска не всегда безупречна, и можно все мои гипотезы фальсифицировать. Но кроме логики, есть еще то, что называется «найтием», а если говорить «герменевтическим» языком, то — «горизонтом смысла», сферой знаемого, куда исследователь пробрасывает свой вопрос. Этот «горизонт» в нашем случае и есть «архив эпохи», который позволил мне не только вернуть *Обзору переводов лирики и поэм А. Мицкевича на русский язык* автора Ф.М. Вермеля, но и обогатить нашу современную интеллектуальную культуру новыми переводами А. Мицкевича, а в историю переводов А. Мицкевича позволил вернуть имена С. Полякова, Н. Сочнева и С. Городецкого. Оценка достоинства этих переводов — дело будущих исследователей-гуманитариев. Я думаю, что дальнейшая содержательная работа в «архиве эпохи» еще впереди.

Литература

- Густав Шпет. *Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012.
- Издательство «Academia». Сост. М.В. Рац. Москва: Книга, 1980.
- Письмо-исповедь академика Николая Николаевича Лузина*. Вступительная статья, публикация и комментарий Н. Г. Ованесова. [В:] *Русская наука в биографических очерках*. Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. Институт истории естествознания и техники. Российская академия наук. Санкт-Петербургский филиал Серия Деятели русской культуры. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003, с. 400.
- Письмо С. Полякова Г. Шпету от 23 сентября 1933 года*. [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 291.
- Редакционно-издательский план на 1934 год, утвержденный Редакционным советом Издательства. 25 июня 1933 года*. Издан на правах рукописи. С. 4. [В:] ОР РГБ 718-21-15.
- Сонеты А. Мицкевича* (в переводе С.А. Полякова). [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 379–405.
- Шпет Г.Г. *Введение в этническую психологию*. [В:] Его же. *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2006, с. 417–500.
- Шпет Г.Г. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким. II–VII*. [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 342–343.
- Щедрина Т.Г. *Архив эпохи. Тематическое единство русской философии*. Москва: Издательство РОССПЭН, 2008.
- Щедрина Т.Г. *Перевод как культурно-историческая проблема (отечественные дискуссии 1930–1950-х годов и современность)*. «Вопросы философии» 2010, 12, с. 25.

²³ Цит. по Т.Г. Щедрина. *Комментарии*. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре...*, с. 656.